

Генриетта
ЛЯХОВИЦКАЯ

ВНЕ
ВРЕМЕНИ

С Т И Х И
и з б р а н н ы е
ч и т а т е л я м и

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Генриетта Ляховицкая

**Вне времени. Стихи,
избранные читателями**

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Ляховицкая Г.

Вне времени. Стихи, избранные читателями / Г. Ляховицкая —
«Алетейя», 2020 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и
прозы)

ISBN 978-5-00165-000-3

Автор многих стихотворных сборников предлагает вниманию книгу, куда вошли стихи, избранные непосредственно самими читателями. Каждое стихотворение наполнено яркостью образов, ясностью мысли и философским видением мира. Избранное читателями отражает многообразие и масштабы поэтического творчества автора. Поэтесса легко и разносторонне общается со своим читателем, привлекая его философской глубиной размышлений, гармонией языка и напряженностью чувств.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-000-3

© Ляховицкая Г., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Поэтическое мироздание Генриетты Ляховицкой	7
Пришествие стихов	10
Цена слова	11
Кинжальное слово	12
Соблазн слов	13
Пришествие стихов	14
Как издавна...	15
Века поэзии	16
Проба подлинности	17
Закат и поэт	18
По образу и подобию	19
Алхимия природы	20
Ручей	21
Молния	22
Жизнь дня	23
Прощальный аромат	24
Ранняя осень	25
Дождь осенью	26
Алхимия природы	27
Дыханье холода	28
Ладонь осени	29
Плач осени	30
Желанный отдых	31
Неувядание	32
Внезапный снег	33
Зимнее небо севера	34
Стужа	35
Утро после вьюги	36
Графика зимнего утра	37
Предвесеннее	38
Апрель	39
Азартные игры весны	40
Северное лето	41
Монолог дерева	42
Лилии	43
Сиреневое снадобье	44
К незабудке	45
Симфония	46
Лесное озеро	47
Гордячка	48
Тополиный пух	49
Янтарь	50
Отблески, отсветы, блики	51
Радостный день	52
Купальщица	53
Весна зимой	54

Новогоднее	55
Пасьянс – «терпение»	56
Девушка на качелях	57
Юным	58
Преломления	59
Искушение	60
Луна в скобках	61
Видение	62
Земные сны	63
Жалость	64
Брильянтов прошлое	65
Разорванное ожерелье	66
Вышивание	67
Серебряные перстни	68
Вуаль	69
Отблески	70
Талисман запоздалый	71
Настроения	72
Уйти? О, нет!	73
Музыка тишины	74
Друзьям и врагам	75
Осока	76
Несбыточное	77
В неволе	78
Душе большее	79
В память ушедшего	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Генриетта Ляховицкая Вне времени. Стихи, избранные читателями

© Г. Ляховицкая, 2020

© Genrietta Liakhovitskaia, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Поэтическое мироздание Генриетты Ляховицкой

«Вне времени» – так называется эта необычная книга стихов, автором которых является Генриетта Ляховицкая. Уникальность книги, не имеющей аналога в мировой литературе, заключается в том, что в неё вошли стихи, *избранные читателями*, и сама книга посвящена им. Эти поэтические тексты, как и всё творчество поэтессы, отражают масштабы её личности и представлений об общих человеческих ценностях во все времена.

Уже в самом названии сборника выражена суть его содержания, обозначенная высокой духовной направленностью поэтических произведений, пытающихся найти ответы на «вечные вопросы». В наши дни миром правит конъюнктура, проникшая и в литературу. Но всё сиюминутное приходит и уходит, а истинно ценное, классическое остаётся – оно актуально всегда. Отточенный стих Генриетты Ляховицкой определяет форму своим содержанием, духовной наполненностью, совершенством русского языка, афористичностью строк, изысканным образным рядом:

«Молчанье – золото,
а слово – серебро»,
но часто золотом
мы платим за добро,
«серебряными»
приносимое словами —
за слово дорого
мы платим с вами.

Поэзию Генриетты Ляховицкой, без сомнения, можно отнести к разделу русской классики, ибо её творчество отвечает всем канонам лучших образцов классического русского стихосложения. Стихи поэтессы обладают стройной, самодостаточной формой, многоплановостью тем и ритмической многогранностью:

Заглянуть за предел, что очерчен
наплывающим краем Земным,
и понять, чьею силой заверчен
этот мир, несравнимый с иным...

В её стихах россыпи поэтических находок, например, в стихотворении «Лилии»:

Тончайшего фарфора изваянья
хранят они бесстрастно облик свой.
Лишь запах сладковатого дыханья
тому свидетель, что фарфор живой.

Генриетта Ляховицкая родилась в 1938 году в Ленинграде. С молоком матери, урождённой петербурженки, впитала не только литературный русский язык во всём его совершенстве и многогранности, но и культуру бывшей петровской столицы России. Поэтесса легко и разносторонне общается с читателем, привлекая его философской глубиной размышлений, гармонией языка и напряжённостью чувств. Эти качества, характерные для русской поэзии, являются основными средствами выражения не только в русской классической, но и в лучших образцах современной русской литературы. Это именно то, что во все времена нравится чита-

телю и привлекает его. Таким образом, поэтесса продолжает традиции русской изящной словесности:

Прислушиваюсь слухом внутренним
и взвешиваю строго «contra – pro»...
скрипит по клавишам компьютерным,
как издавна, старинное перо.

Генриетта Ляховицкая не зря относит себя к физикам, лирикам и философам. В её стихотворениях даны чёткие формулировки устройства мира, размышления о его обитателях, ищущих ответы на «вечные вопросы».

Наряду с десятью книгами стихов и прозы, многочисленными публикациями в различных журналах и антологиях, она, очарованная философией и одним из её аспектов – космоизмом, опубликовала в 2008 году научно-популярную философскую книгу «Генер. Модель мироздания». Отсюда философский взгляд на Вселенную, на мир, на жизнь, на человека с его внутренним мироощущением:

Дерзнуть найти ответ на «вечные вопросы»?
Возможно, смерть, жизнь вечную спасая,
щада росток зелёный, старость косит,
чтоб молодая жизнь цвела, не угасая?

Книга «Вне времени», превосходно структурированная, состоит из 14-ти разделов. Вот названия лишь некоторых из них, говорящие сами за себя: «Алхимия природы», «Лики любви», «Загадка карт влечёт», «Философский взгляд», «Петербургские строки», «Волны музыки», «Чудесята, чудо-время и другие чудеса» (стихи для детей), «О Войне и войнах», «Еврейские мотивы», показывающие библейскую мудрость и трагедию нестигаемого народа... В каждом разделе читатели разных возрастов непременно найдут для себя и замечательные стихотворные произведения, и немало прекрасных строк.

Если вначале говорилось о том, что в творческом мышлении физика пробудился лирик и философ, то, после прочтения этой удивительной книги можно с уверенностью сказать, что в лирике пробудился физик, создавший особое *поэтическое мироздание*, построивший свой неповторимый по духу, размаху идей и тем уникальный мир поэтических образов, вдохновений и фантазий.

Фантазия – плод дерзких вдохновений,
фантазия – стремленье за предел,
фантазия – предтеча откровений,
фантазия – лишь мыслящих удел.

Необычно для современной книги и оформление, блестяще выполненное художником-дизайнером Иваном Граве. Небольшого формата книга в винтажной обложке напоминает старинные томики стихов, изданные в прошлых веках... Вместо привычной фотографии автора – его скульптурный портрет, созданный в 1985 году известным ленинградским скульптором Петром Криворуцким. Достаточно редкое, оригинальное, возможно, уникальное решение изображения автора на обложке его книги, которая и завершается стихотворением «Старинный томик»:

Вот небольшая книга. Пожелтели,

как старый жемчуг, хрупкие страницы.
Пусть потускнело золото обреза —
богатство Духа выше злата Креза.

.....

...мы в жизни современной непростой
храним духовности обрез златой,
лишь затвердела кожа переплёта.

Татьяна Ивлева

Посвящается читателям

Пришествие стихов

*Стихи приходят,
будто бы извне...*

* * *

*Прислушиваюсь
слухом внутренним
и взвешиваю строго
«contra – pro»...
Скрипит по клавишам
компьютерным,
как издавна,
старинное перо.*

Цена слова

«Молчанье – золото,
а слово серебро»,
но часто золотом
мы платим за добро,
«серебряными»
приносимое словами —
за слово дорого
мы платим с вами.

Мы мудрость жизни
в слове постигаем,
со словом мы встаём,
со словом мы шагаем,
и падаем с последним
словом вместе —
со словом боли,
или словом мести...

Кинжальное слово

Немало мир знавал
умевших
разить наветом
ножевым,
притворно плакать
об умерших
и близить смерть
ещё живым.

Соблазн слов

Я много лет в плену томила
свои сомненья, мысли, строки,
но всё же подоспели сроки
и буйно выплеснулась сила
сокрытых слов.

Я удержать слова спешила —
списать нездешние уроки,
но лучшие терялись строки
и я, томясь, произносила
обрывки снов.

Пришествие стихов

И вдруг отступит всё и, словно в пустоте
и в строгой тишине, где нежный звон один,

в прозрачной чистоте
с прохладой белых льдин

плывёшь так невесомо и воздушно,
и чудится, что звонкая кукушка
незримо далеко кукует свежий час:
«Сейчас придут стихи, сей-час,
сей-час, сей-час...»

Как издавна...

Рассвет встаёт внутри оконных рам —
тысячелетья нового начало,
но время, просыпаясь по утрам,
в часах стучит, как издавна стучало.

Бесстрастный телевизора экран
показывает свежие события,
но стонет сердце, как от прежних ран,
и не даёт, как издавна, забыться.

Стихи приходят, будто бы извне,
но бьются, словно в каменные рифы,
в *«кровь и любовь, век — человек»* во мне,
как издавна, в изношенные рифмы.

Прислушиваюсь слухом внутренним
и взвешиваю строго *«contra – pro»*...
Скрипит по клавишам компьютерным,
как издавна, старинное перо.

Века поэзии

Век *Золотой* в поэзии ушёл.
Серебряно затем звучала лира.
На грубый холст сменился неба шёлк,
и смяты войнами основы мира —

век *Бронзовый* в поэзии настал:
всё меньше в ней гармонии высокой,
вопящим ртом заменены уста,
и вместо роз — чертополох с осотом...

Что далее? Ужель замкнётся круг
и *Каменный* возникнет на пороге —
оскал звериный, хватка цепких рук,
нет колеса и даже нет дороги?

Но в первый раз в неведомом «тогда»
дикарь косматый вздрогнет и проснётся.
Увидит он, как падает звезда,
но не оскалится, а улыбнётся.

Проба подлинности

Не только «*короля играет свита*» —
законом иерархии любой
становится имён случайный свиток,
составленный несведущей толпой.

Не коронуйте загодя поэта
среди текущей суеты сует!
Легко смывает позолоту Лета,
лишь время ставит мету: «Се поэт».

Закат и поэт

триптих

1

Ранний вечер – собрание последствий,
длинный день отшумел и погас.
Притомилось, набегавшись, детство —
засыпает под плавный рассказ.

Небывалое в нём достоверней,
чем на камне впечатанный след.
Может быть, этой сказкой вечерней
начинается в детстве поэт?

2

Заглянуть за предел, что очерчен
наплывающим краем Земным,
и понять, чьею силой заверчен
этот Мир, несравнимый с иным —

проникать за пределы способен
лишь стремительный солнечный свет,
или разум, что богоподобен,
или, интуитивно, поэт.

3

Стихает дневное волнение,
звучанью – молчанье в ответ,
стекает теней удлинением
на Западе гаснущий свет.

Игра лучезарной беспечности —
померк света с тенью дуэт...
Всего за мгновенье до вечности
уходит из жизни поэт.

По образу и подобию

*«И сотворил Бог человека по образу Своему...
И был вечер, и было утро: день шестой».*
Ветхий Завет. Бытие

Итак, «сотворены по образу» Творца —
подобием Его на свет мы рождены.
Каков же образ тот – без тела, без лица?
Так в чём же можем быть Ему подобны мы —
песчинки перед Вечным и Безмерным?
Ужели могут быть недостоверны
слова из древних свитков мудрых:
«И вечер был, и было утро...»?

Ошибка наша – в Божьих днях счисленье:
когда творишь, выпадаешь в упоенье,
которое не знает слова «время» —
там нет его, где муки и боренье
сопутствуют рождению творенья.

Не может человек по Божьи дни считать,
но в творчестве он может испытать
и вдохновение, и напряжённость,
и даже Вечности непротяжённость —
подобно Богу он на то способен
и только в этом он богоподобен.

Алхимия природы

*Спокойно,
среди свободы
вершится
вечная алхимия
природы.*

* * *

*...И ясный,
как кристалл,
в оправе радуги
омытый мир
блистал.*

Молния

Ты за зигзагом – зигзаг
в тучи вонзаешь как стяг.
Что ты такое? Скажи!
Кто в тебя силу вложил?
Как ты находишь пути
с неба на землю сойти?

Жженьем бичующих розг,
вспышкой, пронзающей мозг
светом над формул скоплением —
в муках рождённым решением,
вскриком сквозь гнёт немоты,
блеском среди черноты,
диким сверкающим взглядом,
мощных борений разрядом —
в жути своей красоты
миру дарована ты!

Жизнь дня

День, молодой с утра,
весел, не знает утрат.

В зените он горд, калён,
светел, упорен, силен.

К вечеру горбится день,
косую бросает тень

и, солнечный слиток истратив,
тает в закате...

Прощальный аромат

Три розы на резном столе
в изысканно-простом бокале —
ручной работы
хрустале,
от зла срезанья
отдыхали
и,
позабыв об этом зле,
в последний раз благоухали.

Ранняя осень

Молодая осень
на исходе лета
заплетает косы
золотого цвета,
весело рядится
в яркие обновы —
сарафаны-ситцы
из листов кленовых,
бусы ягод нижет,
губы красит соком,
наклонясь пониже
к зеркалам глубоким...
Но узнав, что птицы
собрались в дорогу,
осень огорчится
и всплакнёт немного.

Дождь осенью

О чём, природа,
слёзы льёшь?

Что плачешь
днём осенним ты?

Весной ведь
снова обретёшь

свои желанья
и мечты.

Алхимия природы

Склоняясь над ретортами, веками
алхимики шептали заклинанья —
они искали философский камень,
который бы исполнил их желание
и в золото бы вещи превращал —
желанен людям дорогой металл.

А каждой осенью, спокойно,
среди свободы,
вершится вечная
алхимия природы —
она,
неисчерпаемо богата,
деревьев листья
превращает в злато.

Дыханье холода

Под вечер небо на закате
 стало ало —
предвестием
 идуших холодов,

и невесомыми
 монетами опало
к утру всё золото
 с простуженных кустов.

Ладонь осени

Лист кленовый —
 пятипалый,
как распятая ладонь...

Влажной осенью
 усталой
сохраняет лист опалый
солнца летнего огонь.

Плач осени

Заламывая ветви,
стонет осень,
срывая с головы
цветистый свой платок,

и пальцами дождя
стучит в окно и просит
спокойствия, тепла
и тишины глоток...

Желанный отдых

Вот осень дунула,
срывая прочь с полей
и вянущих садов
цветную простыню
трав, листьев и плодов.

И графика ветвей
прозрачна и ясна,
и вся природа ждёт
целительного сна
в объятиях зимы.

Так ночи ждём и мы...

Неувядание

Уже начало ноября,
но листья, золотом горя,
родных ветвей почти не покидают,
как будто возвращенья ожидают
тепла ушедших дней.

Так и с душой моей —
она горит, она не увядает,
от жизненных ветвей не отпадает,
хоть, голову мою обильно серебря,
уже пришло начало ноября.

Внезапный снег

На траву *зелёную*
снег упал,

словно обнажённую
душу сжал,

и застыла, ломкая,
полегла...

Заклубилась колкая
злая мгла.

Зимнее небо севера

Как чёрная ворона ночь темна
и держит в клюве сыр луны дырявой.

Снег падает неслышной тенью сна
на ветви старые сосны корявой.

Лисою рыжей в небе промелькнёт
в венце морозном солнечное блюдо,

и сыр из клюва с неба упадёт,
чтоб часом позже вновь назад вернуться.

Стужа

Белей стволов вершины у берёз,
над солнцем – льдистый круг
короной царской,

и цепенеет
сладостно мороз,
сжимая землю
ласкою январской.

Утро после выюги

Метались мысли. Голова
моталась в пролежне подушьем,
всю ночь бредовые слова
давили тягостным удушьем.

Крутило, выюжило, мело
всю ночь.
А утром – всё нормально.
Улёгся снег.
Кругом крахмально,
и в мыслях чисто и светло.

Графика зимнего утра

Февраля чёрно-белое чудо
завиднелось картиной в окне.
Безупречная графика всюду,
неподвижны деревья во сне.

Только крупная тёмная птица
нарушает картины покой —
на графитные ветви садится,
снег сыпается лёгкой мукой.

Наконец-то она улетела,
неуклюже махая крылом —
унеслось чужеродное тело.
Спят деревья предутренним сном,

и застыли в неподвижности ветви,
тени снежные нежно лежат...
Создаёт эту графику светлый
Божий гений все зимы подряд.

Предвесеннее

Холод и снег
истомили людей,

льдины плывут
стаей белых ладей,

солнце, заковано
туч пеленой,

робко, стыдливо светит...

Но всё-таки остро пахнет Весной,
и звонче смеются дети.

Апрель

Весна настала. Вновь апрель
сияет солнцем, хмурит тучи,

и зелень пробивает прель,
и предвкушенье лета мучит

непредсказуемостью сроков
желанного тепла прихода,

и своевольная погода
даёт нам множество уроков
для усмиренья
нетерпенья...

Азартные игры весны

Подули ветры вешние,
весёлые, беспутные.

Все карты нынче спутаны —
чины и масти смешаны,

и врут часы и сонники,
и в полдень совы ухнули,

и предсказания рухнули,
как карточные домики.

Северное лето

Несмелое солнце июня
едва пригревает сирень,

дождя штрих-пунктирные
струи
наносят графитную тень...

А где-то – кораллы, лагуны,
дремотная знойная лень,

томятся гитарные струны
весь долгий пылающий день.

Монолог дерева

(Молодость и Старость)

Упругий прутик я, пропитан соком.
Чуть прислоняясь тонкокожим боком
к соседской, в тёмных трещинах, коре,
мечтаю я о будущей поре,
когда окрепну и оденусь в ветви.

Расту... Летают птицы в небе светлом.
Всё крепче ствол, и ветви всё пышней,
и пенье птиц всё ближе и слышней.
Достиг их высоты, и снова – ввысь,
с чужими ветви нижние сплелись,
а верхние ветвятся на просторе!

Познал я страсть, и радости, и горе,
и вот пришла последняя пора —
вся в тёмных трещинах усталая кора,
на смертной плахе падает корона —
моих ветвей могущественных крона...

Остались корни, словно щупальца, у пня —
меня питают... Но ведь нет меня!
Лишь прислонился тонкокожим боком
к моей коре, насквозь пропитан соком,
упругий прутик жизни молодой.

Лилии

Математическая строгость
 плавных линий,
немного золота, изгибы лепестков
изысканных, чуть вычурных цветков
надменно-неприступных белых лилий...

Тончайшего фарфора изваянья
 хранят они бесстрастно
 облик свой.

Лишь запах сладковатого дыханья
тому свидетель, что фарфор живой.

Сиреневое снадобье

К утомлённому лбу
 приложи эту ветку сирени —
неуёмное множество
 маленьких чётких цветков.
Их прохладная плоть
приглушит неизбывность мигрени
поцелуями быстрыми
 твёрдых своих лепестков.

И вдохни аромат
 этой пены лилово-весенней —
аромат, что настоян
 на прошлом садов и веков,
и глаза успокой
 этим ритмом живых повторений...
И уйдёт непроглядная
 боль из усталых висков.

К незабудке

Незабудка, ты – маленький
 скромный цветок,
незабудка, ты – памяти
 верной примета.
Незабудка – воды
 родниковой глоток,
россиянка с глазами
 небесного цвета.

Ты напомнила мне дни давно
 улетевшего детства,
босоногую радость
 неярких лугов,
и просторы полей, и уютность
 родных перелесков,
и дурманящий запах
 высоких стогов...

Симфония

Мгновенными ветвями
мощных молний
покров из туч гремящих
прорастал,
кипящий ливень звуков
воздух полнил!

Вдруг прекратилось всё,
и ясный, как кристалл,
в оправе радуги
омытый мир блистал.

Лесное озеро

По спокойной воде
тихо лодка плывёт, отражаясь
в обрамленье зелёном
из дремлющих ближних ветвей.

Так неспешно плывёт,
незаметно, легко приближаясь
к не намеченной ранее
цели случайной своей.

Ветра нет, и ничто,
и никто не нарушит покоя,
и на глади озёрной
ни ряби, ни плеска волны.

Только мягко шуршит,
опадая, уставшая хвоя,
и с весла осыпаются
капли лесной тишины.

Гордячка

Немного хищной красотой
так неожиданно красива

трава задворная – крапива
с её душою непростой.

И много поцелуев жгучих
таит, чертовски горделива,

трава задорная – крапива
для детских ног босых, бегучих.

Тополиный пух

Пух! Лёгкий, мягкий пух
из нитей снежно-белых.
Окутал он любовно семена
нежнейшим облаком
пушистым, невесомым
и, дуновеньем
ветерка несомый,
когда тому настанут времена,
он плавно повлечёт
в уютной колыбели
зародыши зелёной жизни новой,
и будет им земля пуховой.

Янтарь

Песком шуршали дюн откосы,
я вдоль залива шла одна,
и смоляные слёзы сосен
на берег бросила волна.

Здесь, за тысячи лет,
насекомыми лето звенело
и оставило след —
плавно соки ствола
покидали сосновое тело...

Загустела смола
или Время само загустело?

Отблески, отсветы, блики

*Мне талисман
стал приносить удачу,
но иногда,
при взгляде на него
я плачу,
не знаю отчего...*

** * **

*Что отошло – не вернётся
в образах всей полноты...
Пусть этот мир улыбнётся
блеску своей красоты!*

Радостный день

Это только в детстве облака – конями,
белыми конями в небе голубом.

Это только в детстве годы длятся днями,
ветром глядя пряди над упрямым лбом,

и прозрачный воздух вкусно пахнет сеном,
и течёт куда-то чистая река...

Это только в детстве, в детстве незабвенном,
в радостном мгновенье замкнуты века.

Купальщица

Ух, какая!
На высоких ногах,
почти нагая...
Смеётся, ах!

Запыхалась
от бега и смеха.
Ей смешно,
ей потеха —

снова в воду —
пенить брызги,
плыть, сверкая...
Ух, какая!

Весна зимой

Январский день,
мороз ядрёный
и яблока —
над снежным молоком —
весенний цвет зелёный.

Совсем пустяк,
такая малость —
шла *девушка*
и ела яблоко,
и просто так смеялась.

Новогоднее

Предновогодние
 преддверья,
надежды, хлопоты,
 поверья,
зимы неполной
 свет туманный
и украшений
 блеск обманный,
застолтий грустное
 томленье,
сдвоенье стрелок,
 утомленье,
обрывки лёгкой
 мишуры
и мандаринной
 кожуры...

Пасьянс – «терпение»

Шелковистая кожа запястья,
веер карт в утончённой руке,
вьётся прядка на нежном виске...

Ты раскинула карты на счастье?
Или в юном лукавом смиренье
заменяла гадальный сеанс
на попытку унять нетерпенье,
разложив немудрёный пасьянс?

Девушка на качелях

Она не ведает сомненья,
не знает будничных забот,
в груди – весеннее томленье,
в мечтах – стремление вперёд.

И лёгким изгибом
упругого стана
качает качели
она неустанно,
на взлёте размаха —
без всякого страха,
лишь песенка трели,
и смех, и каприз.
Взлетают качели
и падают вниз...

Но непременно срок придёт —
она узнает силу страсти,
и горечь горя, сладость счастья,
падение вниз и ввысь полёт —
Качелей Жизни вкус поймёт.

Юным

Эй, юноша,
ты видишь старика?

Ты слышишь,
девушка, старуху?

На них вы не смотрите свысока,
глазам не верьте, и не верьте слуху —
там юноша и девушка!

Они прошли сквозь им дарованные дни,
и щедрою была дарящая рука.

Преломления

Луч света,
тонкий, как струна,
в хрустальной грани
преломился,
и радужно весь кубок
заискрился

Той встречи
жаркая волна
на грань души моей
упала,
и радостно душа
заполыхала.

Искушение

Плод надкусила
женщина, играя,

и усмехнулся змей
изгнанию из рая.

Запретный плод
лишь мёртвых
не влечёт,

и змей чешуйчатым
ручьём течёт.

Луна в скобках

От закрытой скобки, скобки золотистой
вырастает месяц, тоненький и чистый.
месяц постепенно, медленно полнеет,
небо в полнолуние к полночи светлеет.

А у полной, круглой, золотой луны
лунка затемнеет с правой стороны.
Всё растёт щербинка, что поделать с ней,
небо с каждой ночью всё темней, темней.

Лишь открытой скобкой, скобкой золотистой
снова светит месяц, тоненький и чистый.

Видение

Временами она,
оставаясь одна,
облачалась в одежды
из прохладного льна,
и мечтой потаённой
упоённо полна,
неизбывным волнением
утомлена,
наливала в бокал
молодого вина
и пила, не пьянея,
до хрустального дна,
и тяжёлых волос
золотая волна
черепеховым гребнем
не была стеснена.
А в полночном проёме,
в полукруге окна,
наблюдала влюблёно
налитая луна.
Но ревнивым туманом
седым создана,
наползала, дымясь
и клубясь, пелена,
и от взгляда луны
закрывала она,
как спадали одежды
из прохладного льна.

Земные сны

Прекрасны, легки и нежны,
возвышенны, просветлены...
И ночь застегнула свой плащ
алмазной застёжкой луны.

Здоровы, крепки и верны,
спокойны, чисты и вольны...
И ночь застегнула свой плащ
янтарной застёжкой луны.

Тревожны и воспалены,
бессвязны, тяжки и больны...
И ночь застегнула свой плащ
латунной застёжкой луны...

Латунно, янтарно, алмазно —
как сны, непонятно и разно
свечение бессонной луны.

Жалость

Стекло жалею
за его непрочность,
и ангела —
за непорочность,
и дьявола —
за нелюбовь к нему,

а золото
жалеть я не умею,
и бриллиантов
твердь я не жалею —
неодолимым
жалость ни к чему.

Брильянтов прошлое

Богиня плакала,
и слёзы светлых глаз

в подземный ад
горящий проникали,

и там из них
алмазы возникали —

в них свет божественный
и ада зло доныне...

Но отчего же
плакалось Богине?

Разорванное ожерелье

Жемчужных бус моих порвалась нить,
что за привычка – бусы теревить?!
Рассыпались жемчужины, легли
у ног моих на тёмный фон земли.

Подумалось: «Свободу обрели
пленённые и связанные зёрна».
Над головой моею бархат чёрный
ночных небес весь звёздами усыпан.

Быть может, сохраняла неусыпно
когда-то их порядок строгий нить,
но разорвалась. Обрели свободу
и разлетелись вширь по небосводу
алмазы звёзд...

Но *кто* посмел *то* ожерелье теревить?!

Вышивание

Иголка, нитки, ткань, узор, канва —
 уютные и милые слова...
Рука с иглою плавно тянет нить
без суетливости и напряженья —
неспешные и мягкие движенья.

Случается напёрсток уронить,
но подхватить его
 и, вновь надев на палец,
слегка подправить ткань
 с канвой меж пальцев
и продолжать спокойно вышивание —
для удовольствия, а не для выживанья.

Серебряные перстни

В шкатулке, на подкладке из фланели,
вещицы праздные нашли покой.

Серебряные перстни потемнели
в разлуке с их носившею рукой.
Они её когда-то украшали...

В последний день над светлою рекой
оставлены они лежать на шали,
раскинутой в траве на берегу.

Забывать бы, как они ко мне попали,
о ком воспоминанье берегу...

Вуаль

Когда-то, век назад, бывало,
лик женщины
вуаль слегка скрывала
прозрачная.

За ней не то чтоб тайна,
но полутайна обитала,
и очертанья профиля и шеи
манили...

Как старинные камеи,
влекли
прикрытые вуалью лица —
чуть-чуть романтики,
и чтобы ночью сниться.

Теперь не носят женщины вуаль.
А жаль...

Отблески

Отблески, отсветы,
блики —
вечного света следы.
В памяти — прошлого
лики,
знаки любви и беды.

Что отошло —
не вернётся
в образах
всей полноты...
Пусть этот мир
улыбнётся
блеску своей
красоты!

Талисман запоздалый

Он неожиданно, почти случайно ко мне попал —
из яшмы камешек, шлифованный в овал,
и сразу талисманом стал.

Им знак какой-то тайный
мне кем-то подан был,
как будто некто не забыл
о давней встрече.

И необычайным
явилось формы совпадение
с коробочкой из серебра,
подаренной ещё до появления
загадочного камня,
в день рожденья.

Из Мьянмы дальней к нам завезена,
орнаментом изысканным богата,
и с выпуклою крышкой из агата —
его как друга приняла она.

Мне талисман стал приносить удачу,
но иногда, при взгляде на него, я плачу,
не знаю отчего...

Настроения

*Лишь в перевёрнутый
бинокль воспоминаний
вместить возможно
спектр надежд, дерзаний,
и горьких разочарований,
и неуверенных сомнений —
их неудачи вызывают,
и перемены настроений,
что в отдалённости времён
мерцают...*

Уйти? О, нет!

Уйти,
лишь лёгкой, бледной тенью
по жизни промелькнув едва,
судеб не изменив сплетений,
свои не вымолвив слова?

Уйти,
спокойно, безучастно
прожив чреду бесцветных лет,
в течение века ежечасном
свой не оставив даже след?

О, нет!
В смятенье огненном метаться,
творенья сладостность познать,
единством духа сочетаться,
благословлять и проклинять,

впитать печаль и радость мира,
и всё сомненью подвергать,
и сотворять себе кумиров,
и разуверясь, низвергать,

посметь обыденность тревожить,
и в бубен плясок звонко бить,
число событий приумножить,
и ненавидеть, и любить!

Музыка тишины

Когда унижен ты, когда ты оскорблён,
когда устал, разгневан и обижен,
послушай тишину, лови безмолвья звон,
я знаю, он звучит – то дальше он, то ближе.

Как благодатна эта тишина,
в её звучании таится вечность,
стекает чистой музыкой она
за каплей капля, мягко, в бесконечность.

Она смывает боль, уносит гневный жар,
спокойствие растёт в душе горячей...
И вот уже угас смятения пожар,
и вновь ты плыть готов
в реальности бурлящей.

Друзьям и врагам

Не странно ли, мои враги
ко мне внимательней друзей:
они повсюду и всегда
и постоянной, и верней,
чем многие мои друзья.
Тем боле одинока я...

Свой счёт друзьям
хочу представить:
прошу быть ближе и родней,
меня в ненастье не оставить,
не позабыть в текучке дней...

Но и врагам скажу я тоже:
в заботе о вражде своей
прошу быть яростней и строже,
в нападках резче и злобней.

Когда ж умолкнете, таясь,
я, одиночества боясь,
местами поменяю вас —
врагами сделаю друзей,
а вас — друзьями, ей же ей!

Осока

Мне помнится, что я была травой —
осокой острой с жёсткими краями.
Я от неё взяла характер свой —
сурова даже с лучшими друзьями.

Понятна резкость – помню: волчий вой,
и мнёт меня бегущее копыто.
Росла я непокорною травой,
и до сих пор та память не избыта.

А небо там – горячей синевой
в величественных облачных заплатах...
Да, помню точно, как была травой,
и не забыть мне кровь на волчьих лапах.

Несбыточное

Из родника спокойствия
 испить,
 успеть
взглянуть на звёзды
 и на вечность,

вновь испытать забытую
 беспечность
и в ничегонеделанье
 побыть...

В неволе

Я хочу, чтоб распахнулось
в небо светлое окно,
чисто мытое окно,
но
лишь стена, стена глухая,
и не сядет, отдыхая,
белый голубь на окно...

Я хочу, чтоб расплеснулось
море светлою волной,
волью плещущей волной,
ой,
парусов не видно алых,
не омыть мне ног усталых
моря вольною волной.

Душе больнее

Память наших душ простая —
всё поймёт и всё простит,
а у кожи память злая —
шрамы старые хранит
от ожогов и порезов,
от сомнений и обид.

Не пойму я, отчего же
не тревожит, не горит
тот рубец на старой коже,
а душа моя болит
от ожогов и порезов,
от сомнений и обид?

В память ушедшего

Слева в груди пустота холодеет...
Даже среди хлопотливого дня
память тревожит и гложет меня
и неотступно душою владеет.

Раньше, вступая в свой круг
повседневный,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.